МЕННОНИТЫ, последователи одной из старейших раннепротестантских церквей, образовавшихся в эпоху Реформации XVI в. на территории Нидерландов, Северной Германии и Западной Швейцарии.

Рубрика: Религия

МЕННОНИТЫ (Mennoniten), последователи одной из старейших раннепротестантских церквей, образовавшихся в эпоху Реформации XVI в. на территории Нидерландов, Северной Германии и Западной Швейцарии. Название «меннониты» (Mennonisten) как отдельной церковной группы – сторонников нидерландского священника Менно Симмонса (1461–1561), объединившего в 30-х гг. XVI в. вокруг себя разрозненные группы представителей умеренной ориентации в анабаптизме (движении крещенцев), было впервые упомянуто в 1545 г. По мнению одних исследователей, меннониты являются религиозной группой немецкого этноса. Другие же считают их особой этноконфессиональной общностью.

Основы вероучения и организации. К основным канонам меннонитского вероучения, которое было окончательно кодифицировано на Дартской конференции в 1642 г., относятся (кроме обще протестантских принципов личного спасения и всеобщего священства): покаяние в грехах, сознательное крещение по вере (обливанием в помещении молитвенных домов – у староменнонитов, погружением – у новоменнонитов), обряд причащения (хлебопреломление), омовения ног. Наиболее же характерным вероисповедным принципом меннонитов является религиозный пацифизм: проповедь смирения, воздержания от применения силы и принесения присяги, выразившийся в отказ от исполнения воинской повинности и несения государственной службы.

Основным видом богослужений у меннонитов является молитвенное собрание, которое состоит из чтения молитв и слова Божия, пения духовних гимнов. Молитвы имеют характер живых импровизаций, а для хоровых песнопений староменноните используют гимны из сборников «Gesangbuch» и «Kirchliche Chorale», а также псалмы Давида. Новоменноните берут тексты из «Glaubenstimme», «Гайтнеткланге» и «Freue Bottschaft», а иногда используют «Zionslieder» (как и немецкие баптисты в России).

Меннониты считают себя общинами избранных, поэтому каждый верующий несет ответственность перед Богом не только за собственную нравственность, но и чистоту душ своих единоверцев. Поэтому среди них чрезвычайно велико значение церковной дисциплины и широко распространена практика церковных наказаний (отлучение) за бытовые прегрешения (пьянство, табакокурение и пр.) в форме ущемления гражданских прав провинившихся членов общины (экономический бойкот, изгнание из общины).

Меннонитские общины в своей организации придерживаются принципа конгрегационизма: каждая община-церковь (конгрегация), объединяющая несколько мелких поместных общин с общим религиозно-общественным центром, имеет право полного внутреннего самоуправления. Решения каких-либо объединений меннонитских конгрегации имеют рекомендательный характер и должны быть утверждены на общем собрании каждой меннонитской церкви. Меннонитская община-церковь управляется церковными старшинами и их помощниками-диаконами (проповедниками (Prediger), церковными учителями (Lehrer), избираемыми общим собранием из числа самых достойных крещенных (действительных) ее членов. В функции духовных старшин (Ältester) входит наблюдение за точным исполнением правил богослужения, моральным обликом единоверцев, проведением школьных занятий. Духовные старшины обладают определенными дисциплинарными правами, хотя решение об отлучении кого-либо из верующих должно быть подтверждено общим собранием всей общины.

Церковные советы меннонитских общин (оказывали решающее влияние на духовную жизнь и, прежде всего – на школу, так как подобно всем протестантам, меннониты большое значение придавали влиянию школы на воспитание и укрепление в вере. Более того, хотя профессиональное занятие искусством и было объявлено «греховным», всячески поощрялось развитие духовной музыки и пения под руководством одобренных общинами учителей и наставников.

На всем протяжении своего существования, вне зависимости от страны проживания, меннониты стремились придерживаться своего традиционного уклада жизни, языка (Plattdeutsch) и заключать внутриконфессиональные браки. Таким образом, меннониты представляют собой, сложившуюся на протяжении столетий этноконфессиональную общность с четко выраженной самоидентификацией по отношению к окружающему миру.

Особенное значение для меннонитов имеет вопрос об общении с другими христианами как один из аспектов борьбы за чистоту собственных рядов. Исторически сложилось, что часть меннонитов (фламандцы и швейцарские меннониты) выступала за полную самоизоляцию и безусловное «закрытое хлебопреломление» (богослужение), а часть (фризы) – допускала общение с близкими по духу религиозными группами (особенно – пиетистами и гуттерами).

Всем меннонитам присуща миссионерская активность. В течении XVII–XX вв. появились и успешно работали миссии на острове Ява, в Индии, Южной Америке, Африке и других местах. Российские меннониты не создали по всему миру своих миссионерских организаций, но с конца XIX в. их представители активно работали в международных меннонитских миссиях, уже существующих в Индии, Индонезии и некоторых других регионах. В связи с тем, что в Российской империи среди христианского населения была запрещена всякая религиозная пропаганда, кроме православной, староменноните проводили миссионерскую работу только среди нехристианских народов, новоменноните же вели негласную миссионерскую работу, а также оказывали поддержку евангельским организациям Союза русских баптистов.

Переселение меннонитов в Россию. В России первые меннониты появились в 1789 г., в числе иностранных поселенцев, приглашенных императрицей Екатериной II осваивать незаселенные земли империи. Доктрина религиозного пацифизма – основной догмат меннонитской веры, вызывала резкое неприятие ее последователей в охваченной религиозными войнами Европе XVII–XVIII вв. Массовые гонения вынудили значительную часть нидерландских меннонитов переселиться в Пруссию в область Данцига, Эльбинга и Мариенбурга, а оттуда, под давлением промилитаристски настроенных прусских королей – в Россию.

Предложенные Манифестом 1763 г. условия переселения в Россию в целом устраивали меннонитов, однако для детального уточнения его в 1786–1787 гг. в Россию были посланы депутаты. Они выработали договор с российским правительством о переселении меннонитов, подписанный в январе 1788 г. Кроме обычных для всех поселенцев условий (освобождение от всех податей сроком на 10 лет, выделение земельного надела по 65 десятин на семью, также 500 рублей на проезд и обзаведение хозяйством), меннонитам было обещано освобождение от воинской и гражданской повинностей, внутреннее религиозное самоуправление. В свою очередь, меннониты обязывались давать на общем основании квартиры и подводы для проходящих через их селения войск, содержать в исправности дороги и мосты и платить поземельную подать по 15 копеек с десятины удобной земли. В последующие годы эти привилегии были подтверждены «высочайшею» грамотою Павла I (6 сентября 1800). Манифестом Александра 1 (20 февраля 1804) и указом Николая I (19 ноября 1838). Однако меннониты были вынуждены согласиться и на некоторое ущемление их религиозных прав: подобно всем «иностранным христианам» они обязывались отказаться от миссионерской деятельности среди православного населения империи, им запрещалось создавать семинарии для подготовки проповедников.

В июле 1789 г. первые 228 меннонитских семей прибыли в Екатеринославскую губернию и на правом берегу Днепра близ города Александровск основали свои первые колонии: Хортица, Розенталь, Эйнлаге, Кронсвейде, Нейдорф, Шенхорст, Нейнбург, а также на острове Хортица. В 1793–1796 гг. прибыли еще 118 семей, расселившихся в уже существующих, а частью – в новых колониях в Новомосковском и Александровском уездах. В последующие годы округ также продолжал заселяться: к 1823 г. там были основаны колонии Нейгорст и Шенвизе, а в Новомосковском уезде – колония Кронсгартен и 4 колонии в Мариупольском уезде.

Однако в виду частых неурожаев, падежа скота во время суровых зим и каменистой почвы, они находились, по докладу И. Контениуса (1799), в «недостаточном состоянии». Поэтому в 1804 г. правительство переселило 150 семей на реку Молочная в Таврической губернии, дав им до 120 тыс. десятин земли, а земли Хортицкого округа (до 35 тыс. десятин) предоставило в распоряжение оставшихся колонистов частью как надел, частью в виде запаса на прибылое население. В течение 1803–1806 гг. прибыло еще примерно 365 меннонитских семей. В начале 1804 г. они расселились на р. Молочной. В период с 1804 по 1822 гг. на Молочной было основано 27 меннонитских селений – Гальбштадт, Тигингаген, Шенау, Фишау, Линденау, Лихтенау, Блюмштейн, Мюнстерберг, Альтонау, Тиге, Орлов, Блюменорт, Мунтау, Ладекоп, Петерсгаген, Розенорт, Шензее, Рюккенау, Лихтенфельд, Александрталь, Шпаррау, Парденау, Мариенталь, Руднервейде, Францталь, Паства, Гроссвейде.

В 1835 г. Хортицкому округу, по причине резкого прироста населения, был отведен новый участок земли в Александровском уезде и в течении 1836 –1852 гг. 145 молодых семей образовали 5 новых колоний

(Бергталь), которые в 1852 г. были окончательно отделены от Хортицкого окружного управления. Они образовали третий меннонитский округ, названный позднее Мариупольским, В 1836–1866 гг. на освободившиеся после переезда на Кавказ русских сектантов-духоборов, земли прибыли из Пруссии представители Гнаденфельдской старофламандской общины, основав новую Гнаденфельдскую волость в Молочанском меннонитском округе из 14 поселений,

С 1854 г. данцигские, мариенбургские и эльбингские меннонттты стали селиться в Самарской губернии, сначала в Новоузенском (Ам-Тракт), а затем в Самарском (Александрталь) уездах, и до 1874 г., когда прибыла последняя партия, образовали 16 колоний, где проживало 500 семей.

Кроме того, в Россию переселилась и часть прусских меннонитов, основав колонии Михалин в Киевской (1850) и Каролсвалде (6 колоний в 1788–1785) Волынской губерниях. В целом, общее число меннонитов прибывших из Пруссии и Данцига в 1788–1870 гг. составило около 2300 семей, или 10 тыс. человек. Кроме того, в 1801–1861 гг. на Волыни (около городов Дубно и Новоград-Волынский) были основаны еще 10 колоний швейцарских меннонитов.

Параллельно с ростом населения (как за счет притока новых эмигрантов, так и естественного прироста) шло интенсивное экономическое и социально-культурное развитие меннонитских поселений. Все меннонитские земли были в вечно-потомственном владения всей колонии, без права отчуждения в посторонние руки. Распределялись они но угодьям, и подворно, без дробления. Двор наследовал один из сыновей, другим же выделялись деньги на образование и обзаведение хозяйством. Это, в свою очередь, приводило в условиях высокой рождаемости меннонитов, к быстрому росту числа безземельных в колониях, особенно в Молочанском округе. В 1866 г. был изменен закон наследования: допускалась дробность наделов, правительство раздавало запасные земли. Однако проблемы в целом эти меры не решили, была частично снята напряженность с появлением в свободной продаже большого количества помещичьих земель (после реформы 1861), которые активно раскупались меннонитами на территории всей империи (Восточная и Западная Сибирь и др.) и, где основывались как новые колонии, так и частные хутора. Так переселенцы из Хортицы и Молочной в 1894–1901 гг. основали 22 колонии в Оренбургской губ. с населением почти 5 тыс. человек к 1916 г.

В целом, к концу XIX в. в Российской империи проживало около 66 400 меннонитов обоего пола, концентрируясь главным образом в Екатеринославской, Таврической и Самарской губерниях. Самыми крупными меннонитскими поселениями в конце XIX – начале XX в. были Хортица (1800 жителей), Розенталь (Канцеровка) (1226), Нейдорф (Широкое) (1121), Остервик (Павловка) (3100), Эйнлаге (Кичкасс) (1258) в Александровском уезде Екатеринославской губернии, Гальбштадт (915) и Вальдгейм (946) – Бердянском уезде Таврической губернии.

Жизнь меннонитов в Российской империи. Основным занятием меннонитов в России было сельское хозяйство (земледелие, животноводство, садоводство и другие его отрасли). Успешное ведение большинством меннонитов сельского хозяйства способствовало накоплению у меннонитских семей крупных денежных капиталов, на которые безземельные сыновья и их потомки основывали промышленные предприятия, главным образом в области сельскохозяйственного машиностроения и мельничного производства. Центрами меннооннтской промышленности стали такие города как Александровск, Екатеринослав, Миллерово, Бердянск, колония Гальбштадт и особенно колония Хортица, где были сконцентрированы около 30% всех крупных промышленных предприятий меннонитов. Одной из форм концентрации капитала было развитие страхового дела в виде сиротских касс, касс взаимопомощи и пр. В 1867 г. меннониты Молочанского, Хортицкого и Мариупольского округов объединились «Товарищество взаимного от огня страхования», с капиталом в 6,5 млн рублей. Однако следует отметить, что темпы концентрации денежных капиталов меннонитов были не высокими, ибо они придерживались традиционных способов ведения сельского хозяйства, чему немало способствовало постепенное дробление земельных наделов в колониях. К 1914 г. лишь треть меннонитских предприятий в сельском хозяйстве и промышленности принадлежало к числу крупных.

Наряду с экономическим развитием и улучшением личного благосостояния меннонитов происходил социальный и культурный рост меннонитских общин, выразившийся прежде всего в создании и поддержке мощной системы образования, медицинских учреждений, публичных библиотек и пр. Наиболее крупными центрами развития меннонитской культуры были колонии Хортица, Гнаденфельд, Орлов и Гальбштадт (на Молочной).

Особенно мощный импульс их развитию придала организаторская и просветительская деятельность

Иоганна Корниса. Пионерами в деле развития и совершенствования образования были учителя Тобиас Фот, *Генрих Гезе*, Генрих Франц 1-й и Фридрих Вильгельм Ланге. Первые неполные средние школы (Zentralschule) были основаны в Орлове. Гнаденфельде и Хортице. Развитие школьной системы являлось объектом пристального внимания всех меннонитов, ибо школа была призвана, прежде всего, воспитывать и укреплять в вере молодое поколение. Поэтому функции контроля над нравственной обстановкой в классах. и моральным обликом учителей принадлежали всей меннонитской общине, а в особенности – ее духовным старшинам, составлявшим большинство членов Школьного Совета (Schulrat).

Определенные сложности в области развития школьного образования в 1870–1890-е гг., когда стала проводиться интенсивная политика русификации «иноплеменного» населения империи (требования проведения всех занятий, кроме Закона Божьего, на русском языке по общероссийской программе). Однако, несмотря на связанные с этим проблемы, система меннонитского школьного образования продолжала развиваться. В 1870–1880-е гг. в меннонитских колониях Гальбштадт (Молочная) и Темпельгоф (Кавказ) были открыты классические прогимназии. Кроме того, требование российских властей проводить раздельное обучение мальчиков и девочек вызвало, с одной стороны, глубокое недовольство среди меннонитов, ибо являлось прямым нарушением старинной меннонитской традиции совместного обучения молодежи, с другой стороны – это дано импульс к развитию целой сети женских училищ. В конце XIX в. все большее число меннонитских юношей стремилось получить высшее образование. Так, в 1914 г. только в Санкт-Петербурге в различных высших учебных заведениях училось более 70 меннонитов. Первыми российскими меннонитами, получившими высшее образование, были братья Эзау – Якоб (врач) и Иоганн (инженер).

Особенно острым был вопрос о квалифицированной богословской подготовке церковных учителей – проповедников и духовных старшин, ибо меннонитам запрещено было создавать собственные религиозные учебные заведения. Поэтому кандидаты в проповедники у староменнонитов обучались богословию в миссионерской школе в Бармене (Германия), семинарии в Сан-Хришоне при Базельской миссии (Швейцария) и на богословском факультете Базельского и Тюбингенского университетов. Новоменнонитские проповедники получали образование в баптистской семинарии в Гамбурге, а также в библейской школе «Альянс» в Берлине.

В целом к 1917 г. была достигнута поголовная грамотность среди мужского и женского меннонитского населения, что являлось одним из лучших показателей среди населения всей Российской империи.

Социально-политическая жизнь меннонитов в Российской империи во многом определялась своеобразным традиционным укладом, который сформировался еще на заре существования меннонитства в XVI в. Основу его составляла религиозная вера, определяющая отношение меннонитов к окружающему миру и самим себе.

В отношениях со светским властями в Российской империи все дела меннонитов до 1876 г. решались Попечительским комитетом, а позднее, в случаях превышения юрисдикции губернаторской власти, направлялись непосредственно в Департамент иностранных исповеданий МВД. Дела о построении новых молитвенных домов решались губернаторами при согласовании с местным православным епархиальным архиереем, а в случае их разногласия – министром внутренних дел по согласию с синодальным обер-прокурором. В религиозных делах церковные старшины обладали всей полнотой власти в своих общинах в Нидерландах, Пруссии и Швейцарии. При переселении же в Россию произошла параллельная организация сельского самоуправления, что породило множество конфликтов между духовными и светскими старшинами, связанных с борьбой за влияние и власть в меннонитских колониях. В результате в 1812–1819 гг. произошел раскол меннонитской общины на Молочной. В частности, отделилась так называемая «Малая община» (Kleine Gemeinde) во главе с Клаасом Реймером. Ее представители отказывались принимать участие в выборах «мирских служащих» (см. *Малая община*).

Однако в отличие от светской власти, возможности духовных старшин были не столь велики в области применения мер дисциплинарного воздействия. Поэтому в целях усиления своего влияния в 1851 г. они организовали Церковный конвент, являвшийся совещательным органом духовных старшин и для выполнения представительских функций меннонитских общин перед правительством, и обладавший определенными дисциплинарными полномочиями. Создание подобного церковно-административного органа вызвало многочисленные протесты среди рядовых меннонитов, воспринявших это как ущемление своих прав и узурпацию власти.

Еще одной особенностью меннонитской жизни в России был принцип формирования органов

самоуправления (церковного и сельского). Хотя право голоса в собраниях церквей имели все действительные (крещенные) их члены, то на сельских сходах их имели лишь «полные хозяева». Причем, как сельские, так и церковные старосты избирались из «полных хозяев». Таким образом, безземельные сыновья и их потомки, вне зависимости от уровня образования и личного состояния – были ущемлены в своих как социальных, так и религиозных правах. С ростом числа безземельных подобная несправедливость создавала почву для глубокого внутреннего конфликта внутри меннонитских общин в России, отразившегося, прежде всего, на религиозной жизни меннонитских общин.

При переселении меннонитов в Россию на месте основывались крупные общины-конгрегации, от которых затем «отпочковывались» филиалы во всех вновь основанных поселениях (в т.ч. и городах). Также были учтены и старые фризско-фламандские споры о церковной дисциплине. Поэтому фризские общины (меньшинство) были поселены в отдельные поселения, где были основаны соответствующие конгрегации: Кронсвейде – в Хортице, Руднервейде – на Молочной, Представители третьего направления в меннонитстве, старофламандского, по своему духу были более близки к фризским общинам и допускали общение с иными христианами. Старофламандцы прибыли из прусских земель на Молочную и образовали 3 свои конгрегации – Александрволь (1821), Гнаденфельд (1835) и Вальдгейм (1836),

Фризские общины, традиционно толерантно относящиеся к «иным» христианам, особенно гуттерам, гернгуттерам и пиетистам, приветствовали как деятельность иностранных евангелистов, так и усилия Российского Библейского общества (1813–1826), проповедовавшего идеи христианского возрождения (см. *Пиетизм*) и экуменизма. Однако подобная деятельность, равно как и попытки российских властей «втянуть» меннонитов в общероссийскую «орбиту», вызвали острое недовольств части «фламандцев» – сторонников суровой церковной дисциплины и духовной и светской самоизоляции от «грешного» мира. В результате этого конфликта в 1823 г. произошел раскол большой фламандской общины Тиге и Гальбштадта на Молочной. Недовольные экуменистической деятельностью Библейских обществ – фламандцы, объединились вокруг старосты Якоба Варкентина. Оставшиеся же (около 1/4 прежней общины) образовали Орловскую церковь-конгрегацию.

С закрытием Российского Библейского общества в 1826 г. проводниками новопиетистских идей среди меннонитов стали, кроме ввозимой из-за границы литературы, как молодые колонисты, обучавшиеся в Германии (центре европейского пиетизма в XIX в.), так и эмигранты и переселенцы из Германии (особенно представители Гнаденфельдской меннонитской общины) и переселившиеся на Волгу меннониты.

В 1840–1850-е гг., в меннонитских колониях стало заметным влияния пиетистов (особенно пастора Э. Вюста), образовались особые «благочестивые» кружки, поддерживаемые на первых порах и рядом сельских старост и духовных старшин. Однако, по мере радикализациии движения и проявления его направленности против «окостенения» веры, 1850–1860-е гг. в меннонитских колониях обозначилась внутренняя религиозная борьба. В результате произошел раскол меннонитов на целый рад церковных групп. Придерживающиеся традиционной ориентации в меннонитстве получили наименование «староменнонитов», а новопиетиестические образования – «новоменнонитов» [гюпферы, *братские меннониты*, *Друзья Иерусалима* (темплеры), Церковь Исхода, хлебопреломители, Церковь Альянса]. Борьба сторонников «старой» и «новой» церкви велась главным образом вокруг меннонитских прав и привилегий, и вопрос ставился о том, кого же их них считать истинными последователями Менно. Представители старой церкви считали новоменнонитов вероотступниками и нарушителями условий Манифеста Екатерины II, указывая в своих прошениях к властям на активный прозелитизм новоменнонитов среди православного населения. Столкновения между представителями старой и новой церкви перерастали нередко в открытый конфликт, что приводило к активизации миграционных процессов в меннонитской среде.

Наибольшей численностью и влиянием среди новоменнонитов обладали братские меннониты, которые отличались наиболее активной миссионерской политикой как внутри меннонитского сообщества, так и среди иноконфессионального населения. К 1917 г. их численность достигла 7 тыс. действительных и 17 тыс. приближенных членов, объединенных в 40 общинах, что составило 1/5 часть всех меннонитов в России.

В 1871 г. в результате колонистской реформы меннониты были лишены статуса иностранных поселенцев и соответствующего права на внутреннее самоуправление. Согласно проведенной военной реформе, меннониты были лишены права освобождения от воинской службы. Не смотря на то, что для меннонитов была введена альтернативная служба (на основании ст.158 Устава о воинской повинности) в пожарных и

лесных командах, столь вопиющее нарушение меннонитских прав, оговоренных условиями их переселения в Россию, вызвало массовую эмиграцию в Северную Америку. Выехали все швейцарские и прусские меннониты из Волыни и Киевской губернии. Из Таврической и Екатеринославской губерний в 1876 г. выселилось около 1800 семей. В целом из России до 1880 г. в Америку выехало около 18 тыс. человек. В Самарских поселениях проведение реформы вызвало всплеск религиозного *движения Исхода*, последователи которого (около 1000 чел.) устремились в Среднюю Азию. Однако большинство из них (около 600 чел.) туда не дошли и приняли решение не возвращаться обратно в свои колонии, а выехать в Америку.

Интенсивное экономическое развитие Юга России (места наиболее компактного проживания российских меннонитов), начавшееся в 1870–1880-х гг. способствовало постепенному разрушению самоизоляции меннонитов от остального населения империи. В колонии с 1880-х гг. прибывало все больше пришлых сельскохозяйственных и промышленных рабочих из числа православных, а с другой стороны, сами меннониты стали все интенсивнее участвовать в общественной и даже политической жизни российского общества.

Особенно активной в этом отношении была Екатеринославская городская меннонитская община (филиал Хортицкой церковноменнонитской фламандской конгрегации). Так инженер *Эзау И.Я.* несколько лет (наряду с меннонитами П. Гезе и И. Тиссеном) активно работал в составе городской Думы, а с 1904 по 1909 г. был городским головой Екатеринослава. Крупный землевладелец *Г. Бергман* много лет трудился в Екатеринославском уездном и губернском земствах, а затем избирался депутатом III и IV-й Государственных Дум от Екатеринославской губернии.

Одним из факторов, оказавших серьезное влияние на жизнь меннонитов в России в конце XIX – начале XX вв. был рост антигерманских настроений в империи. Если прежде политика российского правительства по отношению к иностранным христианам была толерантной в целом (в 1876, 1879 и 1881 в законодательном порядке были признаны все новоменнонитские образования), то к концу XIX – началу XX вв. наметилась тенденция к пересмотру религиозного законодательства Предполагаемое изменение статуса меннонитов с иностранного исповедания до разрешенной секты лишало меннонитов права не только открывать гимназии (которого они добились в 1880-е), но даже открывать двухклассные училища, строить новые молитвенные дома и организовывать новые общины. Таким образом, нависла серьезная угроза над меннонитским сообществом в целом, заставив консолидироваться перед лицом внешней опасности.

С этой целью с 1883 г. стали созываться Всеобщие меннонитские конференции (Allgemein Bundeskonferenz der Mennonitengemeinde in Russland). Для участия в их работе с 1906 г., а официально – с 1910 г. были приглашены братские меннониты (объединившиеся в 1872 в единую организацию). Наиболее важное значение для объединения меннонитских конфессий в России имела конференция, проходившая 26–27 ноября 1910 г. в колонии Шензее Бердянского уезда, на которой треть делегатов составляли братские меннониты. Предметом обсуждения на ней были положения, высказанные меннонитскими общинами в России по поводу разъяснения некоторых пунктов «Кратких пояснений» и «Законопроекта о религиозных обществах и общинах» (4 октября 1910), а также вопросы о создании больницы для нервнобольных «Вифания» и школы для глухонемых в Тиге и др. Конференция положила начало официальному сотрудничеству церковных и братских меннонитов. На ней была образована Комиссия по делам веры (Glaubenskomission), позднее преобразованная в Комиссию по церковным делам (Komission für kirchliche Angelegenheiten - KfK). В ее функции входило представительство интересов меннонитов перед правительством. В состав Комиссии вошли: старшина А. Герц (к. Орлов), Д.Г. Эпп (оба – церковные меннониты) и Г. Браун (братский меннонит).

Важную роль в общественной жизни меннонитов стали играть основанные в начале XX в. газеты «Die Friedenstimme» (1903) и «Der Botschafter» (1905), на страницах которых активно обсуждались научные проблемы, стоявшие перед меннонитским сообществом. Сложившаяся обстановка вызвала всплеск интереса меннонитов к исследованию своей истории. Так в основанном в 1908 г. в Гальбштадте издательстве «Радуга», были изданы знаменитые труды П.М. Фризена и Ф. Исаака по истории меннонитов.

Революцию 1905–1907 гг. меннониты встретили достаточно настороженно, поскольку лозунги ее инициаторов – крайне левых радикалов (эсеров, большевиков и пр.) – затрагивали их право частной собственности. В тоже время меннонитами приветствовалось главное завоевание революции – Манифест 17 октября 1905 г., который наряду с прочими демократическими свободами провозгласил принцип

свободы совести. В целом же, политические симпатии большинства меннонитов тяготели к демократическим программам правоцентристских партий (кадеты, октябристы).

С началом Первой мировой войны в России началась широкомасштабная антинемецкая кампания, которая в полной мере затронула и меннонитов. В меннонитских церквях и школах запрещено было использование немецкого языка, перестала выходить меннонитская периодика и, наконец, их землевладения и прочая крупная собственность подпали под действие так называемых ликвидационных законов. Все это было предпринято властями, несмотря на то, что в этот период 13 тыс. меннонитов самоотверженно выполняли свой посильный гражданский долг. 7 тыс. из них работали санитарами, а еще 6 тыс. – трудились в лесных командах. Кроме того, некоторые меннонитские предприятия успешно выполняли крупные заказы военного ведомства. Стремясь выйти из-под действия ликвидационных законов, меннониты неоднократно обращались в высшие инстанции Российской империи, где ссылались на свое голландское происхождение. Однако эти попытки успеха не имели.

Российские меннониты в советское время. Февральская революция 1917 г. с удовлетворением была встречена большинством меннонитов. Провозглашенные Временным правительством демократические свободы: равноправие всех граждан России, свобода слова, совести печати, союзов и т.п. – соответствовали их политическим идеалам. Весной 1917 г. Временное правительство приостановило (но не отменило вовсе) исполнение ликвидационных законов и сняло запрет на издание немецкоязычной прессы. Однако от нового руководства страны не последовало заявления о политической реабилитации русских немцев (в т.ч. меннонитов).

С целью выработки мер по защите меннонитских интересов и решения острых внутренних проблем в августе 1917 г. в колонии Орлофф на Молочной состоялся Всеобщий меннонитский съезд, на котором присутствовали уполномоченные всех меннонитских общин России. Важное место в его работе занимали аграрный и школьный вопросы, проблемы организационного объединения меннонитских общин и пр.

С началом октябрьской революции 1917 г. политическая ситуация в стране резко обострилась и вскоре переросла, в гражданскую войну, которая втянула в свой водоворот все слои населения, в т.ч. меннонитов. Богатые хлебом, скотом и прочим имуществом их поселения стали вожделенным объектом для реквизиций и грабежей многих военно-политических группировок революционного характера или просто уголовных банд. На Украине, в частности, особенно большой урон экономике меннонитов был нанесен повстанческими. отрадами Н. Махно. Грабежи и убийства в меннонитских колониях временно прекратились лишь с оккупацией Украины австро-германскими войсками весной 1918 г. Для защиты в будущем от нападений махновцев их командованием предложено было сформировать в каждом поселении отряды местной самообороны. Однако их создание противоречило одному из основных постулатов меннонитский веры – отказу о ношения оружия и прохождения воинской службы. Поэтому на специально созванной в колонии Лихтенау меннонитской религиозной конференции этот вопрос был подвергнут всестороннему обсуждению. Несмотря на категорический отказ большинства проповедников одобрить создание отрядов самообороны, была принята резолюция, позволяющая решить проблему компромиссным путем. В частности, говорилось о том, что меннонитская религиозная община в целом по-прежнему будет придерживаться незыблемости догмата о безоружности, однако каждый меннонит, в отдельности, волен лично принимать решение об использовании оружия для защиты. В результате такого своеобразного компромисса отряды самообороны были созданы во многих меннонитских колониях. После ухода австро-германских войск они первое время успешно отражали нападения небольших отрядов махновцев (конец декабря 1918 – начало марта 1919 на Молочной, февраль 1919 в хортицких колониях). Однако после заключения махновцами союза с Советской властью сопротивление меннонитской самообороны было сломлено. Жертвами махновцев и красноармейцев только на Молочной весной 1919 г. стало более 100 человек, преимущественно из числа мирного населения. С приходом на Украину армии генерала Деникина наиболее активные участники самообороны вступили в нее добровольцами. Основная же часть меннонитского населения, как Украины, так и Поволжья и Сибири старалась в годы войны придерживаться политического нейтралитета. Однако, несмотря на это только на Украине и только осенью 1919 г. махновцами было полностью уничтожено несколько поселений и убито более 500 человек.

После окончания гражданской войны меннонитские поселения находились в состоянии глубочайшего социально-экономического кризиса. Значительно сократилось поголовье лошадей и крупнорогатого скота, резко снизились посевные площади. Большинство предприятий сельскохозяйственного машиностроения и перерабатывающей промышленности были разрушены или не работали. В

материнских поселениях скопилось большое количество беженцев из разоренных дочерних колоний, имений и хуторов. В результате продразверстки и массового раскулачивания у населения практически были исчерпаны запасы продовольствия. Засуха лета 1920 г. в Поволжье и лета 1921 г. на юге Украины еще более усугубила положение меннонитов, что привело в конечном итоге к возникновению голода. В Хортицких и Молочанских колониях на Украине голодало от 75 до 100% жителей. Однако число голодных смертей, по сравнению с окружающим населением, было относительно не велико. Поскольку меннонитам своевременно и в необходимых объемах была оказана продовольственная и иная помощь со стороны заграничных благотворительных организаций (АМП и ГПМ).

С началом осуществления в стране нэпа экономика меннонитских хозяйств постепенно восстанавливалась. Большую роль в защите экономических и духовных интересов меннонитов сыграли кооперативные организации: «Союз граждан голландского происхождения» (1922–1926) и «Всероссийский меннонитский сельскохозяйственный союз» (1923–1928).

Серьезной преградой на пути экономического развития в первой половине 1920-х гг. стала нерешенность земельного вопроса. В результате так называемого уравнительного землеустройства 1921–1922 гг. меннонитские общины потеряли значительную часть своих земельных владений, частные земли же большинства крупных и средних собственников из числа меннонитов были вообще полностью конфискованы. Поэтому в колониях скопилось значительное количество безземельного населения, лишенного необходимых средств к нормальному существования.

В соответствии с приоритетами советской национальной политики значительная часть меннонитских населенных пунктов была включена в состав немецких национальных территориально-административных единиц – Молочанского (1924) и Высокопольского (1926) районов в УССР, Автономной Республики Немцев Поволжья (1918), Гальбштадского района (1927) в РСФСР, а также большого числа немецких сельских советов на Украине, в Сибири и Средней Азии.

После окончания Гражданской войны советским государством первоначально проводилась достаточно толерантная политика по отношению к мелким конфессиональным группам, с целью ослабления влияния крупных церквей – православной, евангелическо-лютеранской, католической. Благодаря этому меннонитам этому удалось частично восстановить молитвенные дома и школы, открыть новые, проводить религиозно-просветительскую работу. Для подготовки проповедников были открыты библейские школы-семинарии (в Чонграве близ Симферополя; 1918–1924), Давлеканово близ Уфы (1923–1926), в Карагуе, а затем в Каменке под Оренбургом (1923–1926). Снятие ограничений на проповедническую деятельность привело к активизации евангельско-миссионерской работы новоменнонитских проповедников как среди меннонитов, так и иноконфессионального (инонационального) населения (Сибирь, Средняя Азия) (см. *Миссионерские организации*). Появились новые пиетиестические группы и кружки.

Однако антирелигиозная в целом политика Советской власти вскоре стала создавать немалые сложности в работе, учебно-просветительских заведений меннонитов. Давление со стороны властей главным образом было направлено на претворение в жизнь декрета об отделении церкви от государства. В меннонитских поселениях стали проводиться принудительные выселения церковных организаций из общих со школами помещений. В школах осуществлялась активная атеистическая пропаганда среди молодежи. Особенное внимание власти уделяли борьбе с нелегальным групповым обучением детей основам вероучений. Виновные привлекались к судебной ответственности по ст.121 Уголовного кодекса.

Антирелигиозная политика властей и нерешенность земельного вопроса стали главными причинами возникшего широкого эмиграционного движения в Америку. Несмотря препятствия властей за период с 1923 по 1929 г. за рубеж выехало свыше 12 тыс. меннонитов,

Оставшиеся же в СССР меннониты проявляли большую активность и целеустремленность в борьбе за признание своих религиозных прав. 24 мая 1924 г. Комиссия по религиозным делам меннонитов СССР обратилась со специальным меморандумом в ЦИК СССР, в котором изложила свои основные требования. Меннонтны настаивали на предоставлении им права на свободное проведение религиозных собраний в молитвенных и частных домах, как для взрослых, так и для детей, различного рода мероприятий религиозного характера среди молодежи, выдачи разрешения на преподавание Закона Божия и основ вероучения в школе, на прекращении там атеистической пропаганды. Кроме того, меннонтны просили разрешить создание специального детдома для меннонитских детей-сирот, издание религиозной

литературы и периодики, освободить меннонитов, как от воинской повинности, так и от всеобщего военного обучения. Меннониты предлагали заменить эту службу общественно-полезными для государства работами, а присягу – простым обещанием верности службе. Эти же и некоторые другие требования были изложены в итоговом документе, принятом на проходившем в январе 1925 г. в Москве Всесоюзном съезде меннонитских общин. В конечном итоге власти были вынуждены по ряду пунктов пойти на уступки.

Во второй половине 1925 г. было дано разрешение на издание меннонитской периодики. С ноября 1925 г. по июнь 1928 г. тиражом 3000 экземпляров в месяц выходил журнал «Unser Blatt» – орган Всесоюзной конференции меннонитских общин СССР. В 1925 г. власти дали согласие на то, что освобождение от службы может быть возможным в случае, если меннонит в индивидуальном порядке докажет различными документами свою принадлежность к вышеназванной церкви. Служба в строевых частях для молодых меннонитов была заменена нахождением в строительных подразделениях. Так при одном из стрелковых корпусов был сформирован внештатный рабочий батальон. Личный сослав этой части работал на строительстве железной дороги. Осенью 1927 г. в нем служило, среди прочих евангеликов и православных сектантов, 527 меннонитов. Однако такая альтернативная служба для меннонитов просуществовала недолго.

После опубликования в апреле 1929 г. закона о религиозных культах, а затем и последовавшая за ним инструкция по его применению сделали почти невозможной открытую деятельность меннонитской церкви. В 1930-е гг. были закрыты все молитвенные дома, запрещено проведение богослужебных собраний, работа всех религиозных обществ и пр. Многие меннонитские проповедники н учителя были арестованы и сосланы в лагеря. Только на Молочной из 150 проповедников было репрессировано более 110 человек.

С осени 1929 г. в меннонитских поселениях началась массовая коллективизация, и к весне 1930 г. в колхозах уже находилось в среднем более 90% меннонитских хозяйств. В ходе коллективизации проводилось раскулачивание. Раскулаченные семьи принудительно переселялись на так называемые кулацкие выселки, а впоследствии в большинстве своем выселялись в северные районы СССР и Сибирь

Крупномасштабная антирелигиозная компания и начавшаяся принудительная коллективизация вызвали поздней осенью 1929 г. широкую эмиграционную волну среди: меннонитов. В надежде получить разрешение на выезд за границу в Москву устремились, продав за бесценок, а частью просто бросив свои дома и имущество, десятки меннонитских семей из Сибири и Украины. Однако выехать смогли лишь около 6 тыс. человек (в Бразилию, Парагвай и Канаду). Оставшиеся же в принудительном порядке были возвращены на прежние места проживания. На Алтае протесты меннонитов по поводу религиозных притеснений, насильственной коллективизации и запрету эмиграции вылились в июле 1930 г. в восстание, вскоре подавленное специальным отрядом НКВД.

Разорительные хлебозаготовительные кампании, проводившиеся в 1929–1932 гг. властями в меннонитских поселениях Украины, Поволжья и некоторых других районов СССР, привели к возникновению там к концу 1932 г. острейшего продовольственного кризиса, переросшего весной следующего года в крупномасштабный голод. Его жертвами стали сотни меннонитов.

В период политических репрессий с 1929 по 1941 г. были репрессированы тысячи меннонитов в различных регионах СССР (до 20% взрослого населения, в основном мужчин).

С началом Великой Отечественной войны началась новая эпоха испытаний для меннонитов, связанная, прежде всего, депортациями немецкоязычного населения (включая меннонитов) в восточные районы Советского Союза. Однако, если план депортации немецкого населения в сентябре-октябре 1941 г. из Поволжья и Крыма удалось осуществить практически полностью, то немецкое (в т.ч. и меннонитское) население Украины было вывезено лишь частично. Хортицкие и заградовские поселения меннонитов в этот период находились уже на оккупированной германскими войсками территории. Всего было вывезено в восточные районы СССР (Сибирь и Казахстан) до 20 тыс. меннонитов.

Во время германской оккупации 1941–1943 гг. произошло оживление религиозной жизни находившихся там меннонитов. Были открыты многие церкви, вновь стали проводиться молитвенные собрания. Однако осенью 1943 г. — весной 1944 г. отступающие под натиском Красной армии германские войска эвакуировали большинство меннонитского населения Украины в *Вартегау* (Wartegau). Здесь практически все советские меннониты получили германское гражданство. Многие из меннонитов-мужчин были мобилизованы в немецкую армию. В конце 1944 г. – начале 1945 г. около 35 тыс. меннонитов

направились дальше на Запад. 12-ти тыс. из них удалось добраться до в Канады и Южной Америки, большинство же остальных было принудительно репатриировано в СССР и направлено на объекты трудармии (взрослые мужчины и женщины), а также в места проживания депортированного немецкого населения, в основном – в Душанбе (остальная часть меннонитов).

После 1943 г., в связи с изменениями в религиозной политике советского правительства, среди депортированных меннонитов произошло некоторое оживление духовной жизни. Наметился и рост притока верующих в меннонитские церкви. В случаях, если верующих было очень мало и невозможно было организовать самостоятельную общину, они присоединялись к ближайшей церкви родственной конфессии. Так братские меннониты, проживавшие в Душанбе в 1947 г. вошли в общину русских евангельских христиан-баптистов, а в 1948 г. то же произошло в Новосибирске. Большое число церковных меннонитов также вынуждена была присоединиться к общинам родственных конфессий. С 1954 г. было позволено проводить молитвенные собрания на немецком языке,

13 декабря 1955 г. Указом Президиума верховного совета СССР с меннонитов, как и со всех советских немцев, был снят режим спецпоселения, однако запрещалось возвращение в места довоенного проживания. Разрешалось свободное перемещение в пределах азиатской части СССР. С 1956 г. были восстановлены официальные контакты с Всемирным меннонитским братством. В этот же период началось общее оживление духовной жизни меннонитских общин, стали восстанавливаться прежние меннонитские церкви в Приуралье, основываться новые общины, проводиться на частных домах тайные от властей богослужения и наставления в вере. Наибольшей активностью отличалась проповедническая деятельность братских меннонитов. В целом же, в 1950-е гг. отмечалось усиление экуменистических тенденций между представителями различных меннонитских конфессий. Вместе с тем попытки меннонитов отстоять свои права как самостоятельной религиозной организации пресекались властями.

В 1959–1964 гг. властями проводилась широкая антирелигиозная кампания, в результате которой почти половина существующих церквей была вновь закрыта, а их духовные наставники – высланы. В этой обстановке в 1963 г. братские меннониты (около 16 500 верующих) вынуждены были присоединиться к Всесоюзному Совету Евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ). К 1985 г. в составе ВСЕХБ находилось более 60 чисто меннонитских братских общин. Кроме того, существовало более 300 небольших групп, входивших на правах автономных секций в состав баптистских общин. Ряд меннонитов (Якоб Фаст, Петер Эннс, Фридрих Виртц, Вальтер Шульц, Траугот, Квирииг и др.) был представлен в руководстве ВСЕХБ. После того как в 1961 г. «инициативники» во главе с Георгием Винсом вышли из ВСЕХБ и создали свой незарегистрированный «Совет общин», за ними последовала и часть братских меннонитов. Однако почти одновременно возникло и движение братских меннонитов за создание и регистрацию своих независимых как от официального ВСЕХБ, так и неофициального «Совета» общин. Меннониты справедливо опасались, что находясь в вышеназванных организациях, они утратят свою самобытную идентичность, произойдут «баптизация» их учения и русификация. Поэтому в 1967 г. в Караганде (Казахстан) была зарегистрирована первая независимая братская община. К 1985 г. существовало уже 25 таких зарегистрированных и незарегистрированных общин.

После встречи ряда меннонитских проповедников в 1956 г. началось медленное возрождение и церковных общин. К 1985 г. существовало 25 зарегистрированных и неизвестное число незарегистрированных общин. Число верующих в них составляло 5–10% от общего числа меннонитов.

Важнейшее значение в жизни меннонитов в послевоенные годы имело опубликование Указа Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г., в котором с советских немцев официально снималось обвинение в измене родине. Указ не давал права возращения в родные места. Вместе с тем были открыты языковые школы, стали транслироваться специальные радиопрограммы и издаваться литература на немецком языке (главным образом в Алма-Ате, так как в Казахстане проживала большая часть советских немцев и меннонитов).

Лишь в 1972 г. меннонитам, как и всем советским немцам, было разрешено вернуться в места довоенного проживания. Однако, учитывая, что многие прежние меннонитские поселения были разрушены или заселены другими жителями, некоторые меннониты переселились в Прибалтику, а частью в Молдавию. Кроме того, после разрешения выезда в Западную Германию для воссоединения семей, с 1973 по 1986 г., СССР покинуло около 13 тыс. лиц меннонитского вероисповедания.

Среди тех, кто оставался в СССР, в 1970–1980-е гг. наблюдались определенные процессы консолидации, медленно росло число официально зарегистрированных меннонитских общин. Однако из проживавших

тогда в Советском Союзе 50 тыс. лиц меннонитского происхождения с церковью были связаны лишь 30–40% из них.

Начиная с 1987 г. все большое влияние на жизнь меннонитских общин, стала оказывать массовая эмиграция за рубеж. Она привела к серьезному падению численности членов общин, часто приводя даже к полной их ликвидации. Отток квалифицированных проповедников, евангелистов и духовных наставников создал и значительные сложности в отправлении религиозной жизни еще существующих общин.

Меннониты в современной России и на постсоветском пространстве. У современных российских меннонитов почти нет конфессиональных различий с баптистами в силу того, что во время преследований верующих в советскую эпоху практически единственным легальным путем самосохранеия меннонитских общин (которым было запрещено регистрироваться как представителям самостоятельной конфессии) было вхождение их в состав уже зарегистрированных «русских» баптистских общин. Однако после распада Советского Союза в 1991 г. меннониты вышли из состава баптистских общин и создали собственные конфессиональные объединения. В России созданы объединение меннонитских церквей (общин) в Оренбуржье (центр с.Кичкасс Переволоцкого р-на Оренбургской обл.), существует ряд крупных общин в других областях (братская меннонитская община в с.Солнцевка Исилькюльского р-на Омской обл. и др.). Распад Советского Союза и образование новых независимых государств, привели, с одной стороны, к некоторому оживлению внутрицерковной и миссионерской деятельности меннонитов. С другой же, активизация процессов массового переселения меннонитов в Германию привела к смене национального состава некоторых меннонитских общин, к частичному переходу их с немецкого на русский язык богослужений. Отражением этих процессов стали материалы Всероссийской переписи населения 2010 г., согласно которым в Российской Федерации зафиксировано проживающими только четыре немца-меннонита. Данный показатель явно нереален. Он говорит о том, что большинство меннонитов идентифицируют себя с немцами, либо отказались указывать свою национальность и религиозное воззрение.

Автор: Безносова О.

Литература

Белковец Л.П. «Большой террор и судьбы немецкой деревни в сибири: конец 1920-х – 1930-е годы. М.: Готика, 1995; *Бондарь С.Д.* Секта меннонитов в России. Петроград, 1916; Гентшке В.Л. Меннониты в Туркестане: конец XIX – начало XX вв. (по материалам Центрального государственного архива Узбекистана) // Российское общество, государство и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII –XXI вв.). М.: МСНК-пресс, 2007. С. 168–175; *Евсеев Н.О.* Воспоминания и личные дневники как источники по истории меннонитов Новоузенского уезда Самарской губернии // Два с половиной века с Россией: актуальные проблемы и дискуссионные вопросы истории и историографии российских немцев: Материалы 14-й Международной научной конференции. Кисловодск, 25–29 сентября 2013 г. – М.: МСНК-пресс, 2014; *Ипатов А.Н.* Меннониты. М., 1978; История евангельских христиан-баптистов в СССР.М, 1989; История и этнография немцев в Сибири. Омск, 2009; *Клаус А.* Наши колонии. СПб. 1869; История немцев Оренбуржья в документах. Оренбург: Изд. Центр ОГАУ, 2006; *Крестьянинов В.Ф.* Меннониты. М. 1967; *Кронгардт Г.К.* Немцы в Кыргызстане: 1880 – 1990 гг. Бишкек: Илим, 1997; Протестантизм в Оренбургском крае: история и современность. – Оренбург: ИПК «Университет», 2013; *Штах Я.* Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов. М., 1916; Я с вами во все дни до скончания века. Жизнь верующих и общин евангельских христиан-баптистов и меннонитов Караганды и Карагандинской области. К семидесятилетию евангельского движения и общины евангельских христиан-баптистов в Караганде. В 2 кн. Караганда-Штайнхаген, 2001; *Безносова О. В*. Самоуправление меннонитов России: от церковных советов до Комиссии по делам веры, 1789–1929 // Российские немцы: 50 лет послевоенному общественному движению: от первых делегаций в правительство через «Возрождение» к современной системе Самоорганизации (1964–2014 гг.): материалы 5-й Международной научно-практической конференции, Москва 11–16 февраля 2015 г. – М.: МСНК-пресс, 2015. – С.187–208.

Brandes D., Savin A. Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919–1938. Essen: Klartext Verlag, 2001; Diedrich H-C. Ursprünge und Anfänge des russischen Freikirchentums. Erlangen, 1985; Ehrt A. Das Mennonitentum in Russland von seiner Einwanderung bis zur Gegenwart. Langeslaza-Berlin-Leipzig,1932; Friezen P.M. Die Alt-

Evangelische Mennonitische Brüderschaft in Russland (1789–1910) im Rahmen der mennonitischen Gesamtgeschichte. Halbstadt, 1911; Gerlach H. Die Russlandmennoniten. Ein Volk unterwegs. Kirchenheimbolanden (Pfalz), 1992; Mennonites in Russia. 1788–1988. – ed. by J.Friezen. Winnipeg, 1989; The Mennonite Encyclopedia. A Comprehensive Reference Work on Anabaptist-Mennonite Movement. Scottdale, 1959, Vol.I–IV; Schroeder W., Huebert H.H. Mennonite Historical Atlas. Second edition. Winnipeg, Canada, 1996; Stricker G. Zum Exodus des russlanddeutschen Mennonitentums //Glaube in der 2.Welt. 1996, №5.-S.20–23; Unruh A.H. Die Geschichte der Mennoniten-Brüdergemeinde. 1860–1954. Winnipeg, 1954.